

Pipes, R. (2004) *Russia under the old regime* / transl. from Eng. by V. Kozlovskiy. Moscow, Zakharov. 493 p.

Partanenko, T. V. and Ushakov, V. A. (2006) *Vzaimovospriyatie Rossii i Zapada (XVII — pervaya polovina XIX veka)*. Saint Petersburg, Nestor. 154 p.

Spiridonova, V. I., Sokolova, R. I. and Shevchenko, V. N. (2016) *Rossia kak gosudarstvo-tsivilizatsiia: filosofsko-politicheskii analiz*. Moscow, IFRAN. 122 p.

Toynbee, A. J. (1991) *Understanding History: Collection* / transl. from Eng. by E. D. Zharkov; comp. by A. P. Ogurtsov; intr. by V. I. Ukolova; concl. by E. B. Rashkovsky. Moscow, Progress. 730 p.

Submission date: 12.09.2025.

Козьякова Мария Ивановна — доктор философских наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Союза имени С. П. Королева, президент Автономной некоммерческой организации по развитию культурных, оздоровительных и туристических проектов «Лига культуры, здоровья, туризма». Адрес: 121609, Российская Федерация, г. Москва, Осенний бульвар, д. 15, помещ. 9. Тел.: +7 (916) 347-79-73. Эл. адрес: markoz@yandex.ru

Kozyakova Maria Ivanovna, Professor, Doctor of Philosophy, Full Member, Academy of Sciences and Arts, Union named after S. P. Korolev, President, Autonomous Non-Profit Organization for the Development of Cultural, Recreational and Tourism Projects "League of Culture, Health, Tourism". Postal address: 15, Osenniy Blvd., room 9, Moscow, Russian Federation, 121609. Tel.: +7 (916) 347-79-73. E-mail: markoz@yandex.ru

DOI: 10.17805/zpu.2025.4.3

Проблема равенства в классическом французском либерализме

Часть II

Консервативный либерализм Гизо и Токвиля (опыт актуального прочтения)

Г. Ю. КАНАРШ

Институт философии РАН

Статья представляет вторую (и заключительную) часть исследования, посвященного классическому французскому либерализму первой четверти XIX в., интерпретации в нем проблемы равенства. Рассматриваются взгляды на общество и политику двух видных представителей этого направления мысли — Ф. Гизо и А. де Токвиля. Показано, что консервативный либерализм этих авторов имеет не только важное значение с точки зрения развития идей, но сквозь призму их воззрений возможно многое увидеть и понять в процессах развития современного общества. Особое внимание уделено общественно-политическим процессам в России, тому, как концепции Гизо и Токвиля могли бы помочь создать в нашей стране «хорошее общество» и «хорошую форму правления», отвечающие интересам большинства населения в стабильности и развитии.

Ключевые слова: классический французский либерализм; свобода; равенство; консерватизм; модерн; консервативный либерализм; националистический консерватизм; демократия; республика; гражданское общество; Франсуа Гизо; Алексис де Токвиль

ВВЕДЕНИЕ

В первой части нашей статьи (Канарш, 2025) мы проанализировали политические воззрения Б. Констана; в настоящей части обратимся к анализу взглядов двух других ключевых представителей классического французского либерализма — Франсуа Гизо и Алексиса де Токвиля. При этом отметим, что политические учения этих двух мыслителей важны нам не только с точки зрения *историко-теоретической*, как представителей одной из версий раннего либерализма, мы стремимся найти в их идеях нечто важное и актуальное на сегодняшний момент. Так, Гизо оказывается важен тем, что представляет концепцию политики, очень близкую консерватизму (даже традиционализму), однако ему удастся сочетать такого рода взгляды на общество как некую органическую целостность (в отличие от воззрений Констана) с идеей ограничения власти и защиты прав и свобод индивида. Токвиль же дает нам новое для Нового времени представление о демократии не просто как народовласти, осуществляемой через систему представительного правления (о чем также речь шла у Констана), но демократии, понимаемой как *республиканская форма правления*, весьма близкая современным версиям делиберативной («совещательной») демократии. При этом очень важным оказывается сравнение взглядов Токвиля и позднего Гизо, позволяющее увидеть важное различие между *консерватизмом националистического толка и консервативным либерализмом*, — различие, задающее совершенно разные перспективы развития общества. Таким образом, анализ взглядов обоих мыслителей позволяет нам провести важные параллели с современным состоянием общества и политики в России и в мире, увидеть сквозь призму их идей те проблемы, которые волнуют многих в нашей стране и за рубежом.

КОНСЕРВАТИВНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ ФРАНСУА ГИЗО

В рамках нашего исследования представляется также важным сказать о концепции другого крупного представителя французского либерализма этого периода — Ф. Гизо. Как отмечает в своей книге М. М. Федорова, Франсуа Гизо был лидером «доктринариев», идеологического течения, возникшего около 1820-х гг., и включавшего в себя целый ряд видных интеллектуалов и политических деятелей того периода. «По своим политическим взглядам “доктринарии” были роялистами и конституционалистами, активными приверженцами Хартии, изданной в 1814 г. Людовиком XVIII и провозгласившей основные права граждан: свободу личности, печати, совести, представительное правление в лице двухпалатного парламента, ответственность министров, несменяемость судей и т. д. <...> Пафос “доктринариев” — в утверждении умеренного либерализма консервативного толка в противовес “разрушающему либерализму” идеологов французской революции» (Федорова, 2005: 96–97; курсив мой. — Г. К.).

У Гизо много общего с Констаном: прежде всего, как и Констан, он представляет себе развитие общества («цивилизации») как приводящее в результате к особому

му отношению социальной и политической сфер. Как и Констан, Гизо предполагает, что общество (социальное) обладает собственной жизнью, собственным автономным существованием, которое не требует наличия власти как некой внешней инстанции. Однако, в отличие от Констан, Гизо сосредоточен не на проблеме *ограничения* суверенитета, но на вопросе о его *несовершенстве*. Суверенитет (народа, королевской власти) не может носить абсолютного характера, по Гизо, — поскольку это всегда становящаяся, процессуальная категория. Суверенитет — то, что нужно постоянно открывать, а легитимность власти, соответственно, то, что необходимо постоянно *доказывать* (Гизо, 2000: 541–546).

На чем основаны такие рассуждения французского мыслителя? На его особой теории суверенитета Разума. Как отмечает М. М. Федорова, суверенитет Разума — достаточно популярная идея во времена Гизо, и многие мыслители этого времени так или иначе разрабатывали данную категорию. Но особенность данной концепции у Гизо в том, что он идет к пониманию этой категории не от метафизики, а от *политики*. Разум, согласно Гизо, одновременно трансцендентен по отношению к человеку и человеческому обществу, но с другой стороны, растворен в нем (в обществе). Поэтому задача правительства (в широком смысле) заключается вовсе не в том, чтобы при помощи громоздкого бюрократического аппарата управлять обществом, произвольно навязывая ему те или иные решения, но в том, чтобы *открыть в недрах самого общества те способы управления и те истины Разума, которые в нем имманентно присутствуют* (благодаря развитию цивилизации). Таким важнейшим институтом для Гизо, как и для Констан, становится представительное правление¹.

«Иными словами, Гизо пытается разрешить проблему соотношения политической теории и власти, превратив последнюю в рациональный процесс познания. Ведь если Разум суверенен и трансцендентен, но представлен в обществе, то *люди не создают сами законы управления обществом, но лишь открывают их*. Граница, отделяющая либеральную ориентацию доктрины Гизо от представлений традиционалистов, необычайно тонка. Возможно, это находит свое объяснение в стремлении найти способ преодоления разрыва между политической и социальной областями, не осознаваемого политической мыслью XVII–XVIII вв. Однако в отличие от концепции традиционалистов (Бональда или, скажем, Монтлозье) “*доктринарий*” во главе с Гизо пытались ввести в оборот политической мысли *рационалистически ориентированную социологическую перспективу, которая бы включала в себя в качестве неопровержимого позитивного факта реализацию гражданского равенства и полное признание прав индивида*» (Федорова, 2005: 103; курсив мой. — Г. К.).

Таким образом, получается интересная картина: консервативный либерализм, как он представлен на страницах трудов Гизо, с одной стороны, убежден в том, что не человек, не человеческая (или общественная) воля является подлинным источником справедливых законов (как это полагали мыслители XVII–XVIII вв.), но только *трансцендентный Разум*, который растворен в общественном бытии (и который следует открыть в процессе изучения актуального состояния общества). Таким образом, суверенитет в понимании Гизо опирается не на индивидуальную независимость как онтологический факт и высшую ценность (так у Констан), но на *истины Разума*, с которыми должно соотноситься любое проявление человеческой свободы. Как пишет сам Гизо, индивидуальная свобода имеет смысл и ценность

лишь в той степени, в какой она соотносится с истинами высшего Разума (совсем не так у Констанана) (Гизо, 2000: 560–570). Однако, с другой стороны, Гизо исповедует либеральные взгляды в полной мере в том, что касается задачи *ограничения власти*, и на практике (но не в теории!) — в том, что касается *защиты индивидуальных (гражданских) прав и свобод*. «Разделение фактического суверенитета, необходимое для предотвращения этой (единоличной, монархической. — Г. К.) узурпации, столь же необходимо и для того, чтобы подвести людей, по крайней мере настолько, насколько они способны в этом преуспеть, под господство истинного закона, легитимного суверена», — пишет Гизо, полемизируя с идеями приверженцев абсолютной монархии (там же: 536). Отсюда вытекает и *принцип разделения властей*, которые, по Гизо, должны находиться не в статичном равновесии, но в *постоянной борьбе друг с другом* (т. е. это своего рода динамическое равновесие), в результате которой эти власти утратят присущий им «эгоизм» и будут работать на общее благо («Система желает, чтобы всякая воля ощущала господина, чтобы всякая сила получала торможение» (там же: 539).

И в этом, практическом, плане взгляды Гизо также очень близки констананским: как и Констанан, он различает гражданские и политические права. При этом первые должны трактоваться в соответствии с принципом равенства, вторые же могут быть предоставлены не всем, но лишь тем, кто обладает необходимой степенью гражданской мудрости и добродетели.

Вновь воспользуемся комментарием М. М. Федоровой. «Вслед за Руайе-Колларом Гизо также различает социологическую и политическую перспективу, социологические и политические права. Первые присущи всему человечеству, они универсальны, одинаковы для всех и неизменны. Их выражением на уровне гражданского общества и морали является *принцип равенства* (поэтому в гражданском обществе правит демократия). В отличие от социальных, политические права крайне разнообразны и изменчивы. “Политическое право есть часть властных полномочий, — пишет Гизо. — Тот, кто осуществляет власть, принимает решения не только относительно самого себя, но и относительно части общества или всего общества в целом. Таким образом, речь здесь идет не о личном существовании, но о существовании всего общества, о его организации, средствах поддержания его жизнедеятельности. Это означает, что *политические права не являются универсальными, равными для всех одновременно. Они носят специальный и ограниченный характер*. Взгляните на мир вокруг себя: многочисленные группы людей — женщины, шахтеры, домашняя челядь — лишены политических прав”. Таким образом, сфера политического радикально отлична от социальной сферы и отражает тот факт, что *человечество исполняет великую задачу и подчиняется трансцендентному по отношению к нему закону — закону развития цивилизации*. Общий — социальный — интерес не сводится к сумме частных интересов и является основой независимого существования политической сферы общества» (Федорова, 2005: 103–104).

Интересно при этом, как Гизо понимает само общество, которое сформировалось на современном этапе развития цивилизации. Общество для него — не сумма изолированных индивидов (как для Констанана), но — поле морального взаимодействия людей, а сам человек понимается им как *общественное* (социальное) существо, цель которого — руководствоваться в своей жизни и в своих отношениях с окружающими *законами разума, истины и справедливости* (Гизо, 2000: 509). Это так-

же приближает взгляды Гизо к концепциям оппонентов либерализма — консерваторов и социалистов².

Еще один важный момент, придающий либерализму Гизо отчетливо консервативный характер, — его отношение к религии. Если Констан относится к религии уважительно, но достаточно индифферентно, то Гизо, несмотря на свои светские в целом убеждения, считает, что религия является важной стабилизирующей общественной силой, поэтому ее присутствие в обществе желательно (при этом сам мыслитель скорее на стороне протестантизма, нежели католичества). Это не означает необходимости клерикализации, тем более слияния светской и духовной власти, но является важным элементом *разумного и нравственного бытия общества*. Как справедливо пишет относительно этого момента М. М. Федорова, задача Гизо как *консервативного* либерала в том, чтобы «наполнить современные ему политические и социальные отношения духовностью и силой разума» (Федорова, 2004а: 20).

Этот вывод кажется нам принципиально важным применительно и к современному, в том числе российскому, реалиям. Уже многие годы в стране наблюдается консервативный тренд, и идут активные поиски оснований новой (консервативной) идеологии, что понятно в условиях сворачивающейся глобализации и обострения проблемы национального суверенитета. Но при этом такие поиски — и теоретически, и практически — нередко наносят ущерб собственно индивидуальным правам и свободам, которые реально закреплены в Конституции. Сам же либерализм очень часто трактуется как «не наша», «западная», «подрывная» идеология, разрушающая традиционные российские ценности. Это может быть верно в отношении *определенной версии либерализма* — современного либерализма неолиберального толка, с его абсолютным приоритетом индивидуальных (прежде всего экономических) прав, сниженной социальной ответственностью государства и бизнеса, превознесением прав меньшинств и т. д. Но есть и другие разновидности либерализма, представленные в истории политической мысли: и одна из этих разновидностей — *консервативный либерализм*, представленный, в частности, концепцией Франсуа Гизо. И, как мы увидели, это такой либерализм, который направлен не на индивидуализацию и разрушение общественного порядка, но, напротив, либерализм, задача которого заключается в *сохранении достижений цивилизации* (в том числе традиционных ценностей), но *не за счет попрания индивидуальных прав*. Последние, хотя и не считаются священными (как в более «ортодоксальном» либерализме локковского толка), но все же рассматриваются как *важная гарантия развития и самореализации индивида*. При этом сам индивид в концепции Гизо не атомарен (как, например, у Констана или Токвиля), но *изначально включен в социальные и моральные связи со своими согражданами* (т. е. здесь присутствует определенный коммунитаристский взгляд). И этот момент еще больше сближает взгляды Гизо с концепциями консерваторов.

КОНСЕРВАТИВНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ АЛЕКСИСА ДЕ ТОКВИЛЯ

Наконец, третьей важнейшей фигурой в рамках французского классического либерализма является Алексис де Токвиль — знаменитый политический мыслитель и политический деятель, исследователь демократических институтов, родоначальник политической социологии. Классический труд Токвиля «Демократия

в Америке» (написан в 1831 г.; публикация первой части — 1835 г.; второй части — 1840 г.) до сих пор изучается во всех университетах мира в рамках подготовки специалистов по политической науке, и этот труд, на наш взгляд, актуален сегодня как никогда. Токвиль, развивая собственное представление о политике в современную эпоху (эпоху раннего модерна) следует в том же русле, что и Констан и Гизо (признание автономии общества по отношению к политике, уважение прав индивида), однако в определенном смысле он выступает в оппозиции им обоим: в отличие от Констан, Токвиль полагает, что простые граждане не должны полностью передавать бразды правления представительным институтам, погружаясь в пучину повседневных дел; в отличие от Гизо (прежде всего позднего Гизо) он считает, что свобода является важнейшим достоянием политического общества, и от нее нельзя отказываться даже ради общественной стабильности (на чем настаивал Гизо, находясь у власти в составе французского правительства в период Июльской монархии во Франции).

Что же интересует Токвиля как политического мыслителя в первую очередь? Проблема, которая занимает его на протяжении всего периода его исследовательской (а также короткой политической) деятельности, — это проблема того, как возможно сохранить свободу и достоинство индивида в условиях нарастания либерально-эгалитарного процесса и парадоксально связанного с ним усиления государства, государственного патернализма. Токвиля всерьез беспокоит то, что в современную ему эпоху «равенства условий», которую он считает результатом некоего предзаданного Божественного процесса (явная переключка с идеями Просвещения), индивиды, стремясь ко все большему равенству и постепенно передавая все больше полномочий и прав государству, постепенно утратят свободу, которую они обрели совсем недавно — на рубеже XVIII–XIX вв., и снова вернуться в состояние безмолвной покорности по отношению к управляющим, в котором они пребывали на протяжении веков (существования иерархического средневекового общества). Для Токвиля же, отметим сразу, это неприемлемая ситуация, поскольку она означает не развитие, а *деградацию* человека, его возвращение в неразвитое, варварское состояние (и здесь Токвиль в полной мере выступает наследником идей Просвещения). Собственно, для того, чтобы понять, как, по каким законам развивается современное ему демократическое общество, Токвиль и отправился в Америку — здесь он мог непосредственно изучать жизнь американцев и работу американских демократических институтов. Сам Токвиль отмечает: «...я признаю, что в Америке я видел не просто Америку: я искал в ней образ самой демократии, ее основные свойства и черты характера, ее предрассудки и страсти. Я хотел постичь ее с тем, чтобы мы по крайней мере знали, что от нее можно ожидать и чего следует опасаться» (Токвиль, 2000: 34).

Итак, каковы основные предпосылки токвилевской политической философии? И почему она, на наш взгляд, представляет сегодня не только историко-теоретический интерес, но и необыкновенно важный практический?

Как мы отметили выше, главной предпосылкой, на которой Токвиль строит свои последующие рассуждения об обществе и политике, является утверждение о том, что европейские народы (и мир в целом) неудержимо движутся в сторону все большего равенства, или «равенства условий», как называет это сам французский мыслитель. Это, по Токвилю, и есть одно из наиболее важных (если не самое важное) значение понятия «демократия»: как отмечает, комментируя взгляды Токви-

ля, М. М. Федорова, для мыслителя демократия и есть некое *состояние общественной связи*, а не просто наличие самоуправления или представительных институтов (Федорова, 2005: 74). Демократической, т. е. основанной на равенстве, стала сама повседневная жизнь людей, в отличие от строго иерархических отношений Средневековья. И это, естественно, — наследие Революции. Как отмечает по этому поводу сам Токвиль, «мы живем в эпоху великой демократической революции; все ее замечают, но далеко не все оценивают ее сходным образом» (Токвиль, 2000: 27).

Итак, с точки зрения Токвиля, эгалитарный процесс, происходящий на его (и его современников) глазах в Европе, — это по сути всемирно-исторический (общезивилизационный) процесс, предзаданный многими историческими факторами (в их числе — роль Церкви в утверждении равенства, тенденции к уравниванию подданных, присущие абсолютистским монархиям, и др.), но, повторим еще раз, источник этого процесса, согласно просветительским воззрениям Токвиля, — Божественное Провидение. Поэтому, считает ученый, как бы мы ни относились к равенству условий, мы должны в целом принять его неизбежность, а не сделать этого — значит противиться самой воле Господа (там же: 30).

Отметим и то, что утверждение эгалитарных обществ на руинах «Старого порядка» (феодалных отношений, присущих Средневековью), по Токвилю, в целом — позитивный процесс, поскольку он ведет к обществу «средних людей», в котором, может быть, и не будет чего-то яркого и героического, как в аристократических обществах, однако в этом (эгалитарном) обществе люди будут жить *хорошей жизнью* — достаточно комфортной, зажиточной, будут иметь возможность получать образование, между ними не будет резкого имущественного разделения и т. д. «Такая нация, — полагает Токвиль, — говоря в целом, будет менее блистательной, менее прославленной и, возможно, менее сильной, но большинство ее граждан будут процветать, и народ обнаружит миролюбие своего нрава не по причине того, что он отчаялся добиться для себя лучшей доли, но потому, что осознал, как хорошо ему живется» (там же: 32).

Однако здесь-то и начинаются трудности, анализу которых и посвящена главным образом книга Токвиля. Утверждение равенства, как считает ученый, влечет за собой не только позитивные (хорошая жизнь в обществе «средних людей»), но и серьезные негативные последствия, которые, по Токвилю, надо пристально изучать и с которыми следует разбираться. Первое такое следствие — это индивидуализм, разобщенность людей, когда каждый из них замкнут в своем общении только в кругу своих родственников и знакомых и совсем не интересуется тем, что происходит в обществе в целом. Это — вполне закономерное явление в современном (модерном) обществе: если феодальное общество строилось по строго иерархическому и корпоративному принципу, основываясь на личных связях и отношениях между людьми (например, отношения между сеньором и его вассалом), то в эгалитарном новоевропейском обществе, «разбившем» в результате процесса социальной революции прежние узы и ограничения корпоративистского типа (например, сословия, цеха, гильдии), индивид естественным образом оказывается в одиночестве, лишенным прежнего круга подобных себе (в рамках отдельной корпорации), и это — процесс, естественным образом разобщающий, атомизирующий жизнь общества (там же: 374)³.

Из этого состояния следует и другое важное (негативное, по Токвилю) следствие: будучи одиночками по сути, разобщенными, люди в итоге приобретают все

большую склонность к тому, чтобы передавать реальные бразды правления обществом централизованной власти (централизованному бюрократическому государству), которое, не являясь чем-то плохим само по себе (централизация в условиях полного равенства условий — нормальная и естественная вещь), в ситуации перенесения людьми большей части своей социальной ответственности на государство, приобретает *гипертрофированную власть* над обществом и начинает буквально вмешиваться во все процессы (социальные, экономические), стремясь поставить их под свой контроль. «Централизация, вездесущность, всемогущество общественной власти, единообразие ее законов — вот наиболее характерные черты всех зарождающихся сегодня политических систем. Эти черты мы обнаруживаем в основе самых причудливых утопий. Они преследуют человека в его мечтах» (там же: 483). Из этого, по Токвилю, возникает угроза *нового, не виданного ранее деспотизма*: если прежний (древний — например римский) деспотизм был жестоким и беспощадным по отношению к отдельным людям (он не контролировал и не стремился контролировать всех), то современный деспотизм — гораздо более мягкий, гуманный, однако его особенность в том, что он, по Токвилю, носит *тотальный* характер, «опутывая» своей сетью все общественные дела и учреждения, в итоге лишая человека его воли, а значит — свободы и достоинства. То есть, иными словами, новая форма деспотизма в лице вездесущего государства, по Токвилю, лишает индивида того самого главного, что дала ему эпоха Просвещения: *личной автономии*, суть которой лучше всех сформулировал И. Кант: способность жить собственным умом (дословно: «имей мужество пользоваться собственным умом» (Кант, 1966)). Именно отказ человека от своей ответственности и перенесение ее на государство (что представляется естественным в эпоху всеобщего равенства) имеет своим итогом разрушение главного, ради чего и осуществлялась эгалитарная революция, по Токвилю.

Однако как противостоять этой тенденции к сверхцентрализации государства? Вот вопрос, который больше всего заботит французского мыслителя. По его мнению, возврат к эпохе аристократических обществ невозможен по объективным причинам (тенденция к равенству как общечеловеческий, общецивилизационный, процесс), однако предотвратить общественную деградацию, которая, вероятно, будет связана с угрозой чрезмерного этатизма, все же можно — но искусственным путем. Именно этот путь ограничения всевластия государства Токвиль и находит в современной ему Америке, и этот путь — создание и развитие свободных ассоциаций. При этом важно, что речь идет об ассоциациях самых разных — и политических (политические партии и клубы), и неполитических (например, торговых, коммерческих, или промышленных, а также всевозможных союзов граждан, созданных на добровольной основе вокруг их общих интересов). Ассоциации эти настолько прочно вошли в повседневную жизнь американцев, что они не представляют себе решение какого-либо важного общественного вопроса без них⁴. При этом существует одна важная особенность: политические ассоциации (партии), по мнению Токвиля, занимают особое место среди гражданских ассоциаций, и не только потому, что через них выражается политическая воля отдельных классов общества: эти объединения важны также тем, что они представляют собой своего рода *школу гражданской самоорганизации*, — навыки, полученные людьми благодаря деятельному участию в политических партиях, затем могут быть перенесены в контекст деятельности уже ассоциаций неполитических⁵. Огромное значение

имеет также *свободное развитие прессы*: общественно-политическое издание, по Токвилю, есть не просто «рупор» представителей тех или иных политических взглядов, но *важнейший феномен цивилизации*, поддерживающий свободу. Наконец, именно через участие в ассоциациях, объединяясь с другими людьми ради достижения своих частных интересов, граждане реализуют стратегию поведения, которая получила еще во времена Просвещения название «разумный эгоизм» (или «просвещенный эгоизм»), суть которого в том, чтобы, не отказываясь от собственного интереса, уметь находить *правильные компромиссы с другими людьми*, жертвуя при этом меньшим (частью своих интересов) ради достижения большего (того главного, к чему стремится человек, что составляет суть его устремлений). Именно эта способность к компромиссу, основанная на здравом смысле, составляет истинную природу демократии (Длугач, 1995).

Итак, решение найдено: согласно Токвилю, именно развитие гражданских ассоциаций (или, как мы сказали бы сейчас, публичной сферы) представляет собой главный заслон на пути к государственному деспотизму. При этом интересно сравнение мыслителем такого рода ассоциаций с прежней феодальной аристократией: подобно тому, как аристократы в средневековом обществе были способны силой своих прерогатив предотвратить превращение власти монарха в абсолютную власть, ограничивая таким образом ее проявления, точно так же в демократическом обществе свободные ассоциации граждан образуют собой своего рода «буферную зону» между массой отдельных индивидов и государством, не позволяя последнему полностью подчинить первых своей воле. Сам Токвиль лаконично формулирует это в последних параграфах своей книги: «...вместо того чтобы передавать правителю всю власть, отобранную у корпораций или у дворян, часть ее можно доверить временно сформированным из простых граждан промежуточным органам управления. Тогда свобода частных лиц будет более надежно защищена, при этом не пострадает и их равенство» (Токвиль, 2000: 499). Полагаем, что этот тезис не менее актуален сегодня, в нашу эпоху кризиса массовой демократии, чем в эпоху Токвиля, когда демократические институты в Европе только формировались.

АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ КОНСЕРВАТИВНОГО ЛИБЕРАЛИЗМА СЕГОДНЯ

Итак, в двух частях нашей статьи мы проанализировали политические воззрения трех представителей классического французского либерализма первой четверти XIX в. — Бенжамена Констана, Франсуа Гизо и Алексиса де Токвиля. Еще раз повторим, что для нас наследие этих авторов представляет не просто историко-теоретический интерес: полагаем, что идеи, высказанные в трудах этих мыслителей, актуальны до сих пор, особенно в условиях кризиса массовой демократии в странах Запада и нарастания консервативных настроений в США, Европе и России⁶.

Какие идеи представляются нам особенно важными?

Если говорить о наследии Констана, то, как мы уже отмечали в выводах первой части статьи (Канарш, 2025), к ним мы бы отнесли следующие: во-первых, четкую артикуляцию мыслителем (и Констан — первый, кто сделал это) различий между демократией античного типа (полисной демократией) и демократией современной (массовой представительной демократией), а также, опять-таки, четкое и ясное определение характера современного общества (индивидуалистического)

с его преимущественной культурной тенденцией на удовлетворение материальных (экономических) запросов (на что также указывает и Токвиль в соответствующем параграфе своей книги (Токвиль, 2000: 389–391)). Люди, как показывает Констан, уже не стремятся к каким-то достижениям патриотического или духовно-нравственного свойства, как это было в Античности, они просто хотят хорошо жить (удобно, приятно, комфортно, благополучно, в том числе и даже главным образом с материальной точки зрения⁷), и соответственно, предпринимают все необходимые шаги для достижения этого. В частности, проявляют гораздо меньший интерес к политике, но зато значительно больший — к занятиям коммерцией. Именно поэтому демократические государства все меньше воюют, но все больше торгуют друг с другом. Это, как опять-таки мы указывали в статье, не менее характерно для сегодняшнего мира, даже в условиях геополитической турбулентности, чем для мира становления раннего капитализма (характерный пример — феномен «созависимости» США и Китая, о котором много писалось в последнее время⁸).

Во-вторых, представляется чрезвычайно важной в теоретико-методологическом отношении идея онтологического приоритета общественной сферы перед сферой государства и политики, утверждаемая Констаном. И это — не просто абстрактное теоретическое утверждение: сегодня, в условиях продолжающегося (с последней трети XX в.) демократического транзита (третьей волны демократизации, как обозначил это С. Хантингтон в своей известной книге (Хантингтон, 2003), мы видим, как в странах, еще совсем недавно бывших авторитарными (Южная Корея, Непал), активно развиваются гражданское общество и представительная демократия, демонстрирующие способность эффективно противостоять авторитарным «поползновениям» руководителей исполнительной власти или общественной несправедливости (известные события 2024 г. в Южной Корее и 2025 г. в Непале). Более того, даже такие, казалось бы, слаборазвитые в экономическом отношении государства, как Мадагаскар, тоже проявляют сегодня тенденцию к гражданскому противостоянию злоупотреблениям со стороны власти (события гражданского неповиновения на Мадагаскаре последовали вскоре после «революции зумеров» в Непале в сентябре 2025 г.). Не говоря уже о таких странах, как Бразилия, Аргентина и Чили, где политическая жизнь, несмотря на существующую общественно-политическую поляризацию населения, является весьма бурной, включающей не только голосования на парламентских выборах, но и активные массовые политические акции на улицах и площадях. Значительной политической активностью отличается общество в Иране и Турции, несмотря на то что Иран представляет собой автократическое (точнее, теократическое) государство, а Турция испытывает подъем националистического консерватизма (при президенте Эрдогане). Известны и гражданские протесты в Сербии, импульс которым дала, как полагают их участники, преступная халатность властей, приведшая к обрушению навеса здания железнодорожного вокзала в г. Нови-Сад в ноябре 2024 г.⁹ Все эти примеры говорят о том, что, несмотря на сворачивание глобализации и рост национализма в разных странах (не только Запада), демократия и свобода по-прежнему остаются важной ценностью для множества людей во всем мире, желающих отстаивать свои права и представления о справедливости¹⁰.

В-третьих, идея смешанного, или конституционного, правления — идея, которая, возможно, нуждается в наименьших комментариях, поскольку, как известно

(это уже хрестоматийный факт), она воплотилась в практику разделения властей в либерально-демократических государствах. Напомним лишь, что это — очень давняя идея, идущая из Античности, от Аристотеля и Цицерона, через средневековое учение о тройственном единстве сословий в государстве, к собственно уже современной идее разделения властей на основе сословного представительства у Монтескьё, ранних консерваторов (Э. Берк) и немного позже — у Констанана. Однако представляется, что данная идея нашла свое воплощение не только в контексте собственно *политической* системы разделения властей: корпоративистское устройство западного (прежде всего европейского) общества в период так называемого организованного капитализма (первые послевоенные десятилетия, вплоть до начала эпохи глобализации в 1980-е гг.) также, на наш взгляд, по-своему воплотило эту идею. Во всяком случае, реальная институциональная структура и общественно-политическая практика трипартизма (компромисс профсоюзов и ассоциаций работодателей при посредничестве государства) весьма и весьма напоминает эту констанановскую идею смешанного правления¹¹.

И, наконец в-четвертых, особую актуальность сегодня приобретает понимание Констананом (заимствованное им у некоторых его современников, по его собственному признанию) сути патриотизма и роли в его формировании местных сообществ. Как полагает Констанан (и мы разделяем эту точку зрения), подлинный общегражданский патриотизм всегда вырастает не сверху, а *снизу*, из «местного», провинциального, корня: только приверженность своему маленькому (или относительно небольшому) сообществу (коммуне), добровольное участие в его делах вместе с другими гражданами может быть *основой патриотических настроений* — сначала по отношению к своей малой родине, а уже только после этого — к Родине большой (национальному государству). Понимания этой закономерности явно не хватает сегодняшней российской власти, уже на протяжении ряда лет стремящейся выстроить властную вертикаль снизу доверху, уничтожая тем самым последние остатки публичной политики в стране. И это при том, что тема возрождения местных сообществ приобретает сегодня все большее звучание, в том числе на Западе (Раджан, 2025).

Это то, что касается Констанана и его политических взглядов. Не менее важными представляются нам выводы и другого ключевого мыслителя этого направления — Франсуа Гизо. Мы не будем здесь подробно говорить об актуальности его идей (об этом уже было сказано выше, в соответствующем разделе статьи), подчеркнем лишь то, что сегодняшние, я бы сказал, массовые, упреки, в том числе со стороны ученых-обществоведов, либерализму в том, что он является разрушительным для национальных (в том числе российских) традиционных ценностей, являются, на наш взгляд, не вполне справедливыми, если смотреть на либерализм и его развитие из широкой исторической ретроспективы, включая в том числе и представителей французского классического либерализма. В последнем, как мы постарались показать на примере взглядов Гизо, весьма сильна *консервативная составляющая*, как справедливо полагает М. М. Федорова, лишь тонкой гранью отделяющая его воззрения от политических идей традиционалистов, что, однако, не мешает Гизо (особенно раннему Гизо) твердо стоять на позициях защиты прав индивида и социального равенства (впрочем, при отрицании универсального характера равенства политического). Поэтому, безусловно, является ошибкой понимать либерализм как некую монолитную доктрину, тем более отождествлять

его с современной западной версией либерализма (неолиберализмом), для которого главное — не цивилизация и культура (как, например, у Гизо), но почти исключительно — экономические интересы и экономические права. Нет сомнений в том, что, будучи в определенной мере закономерным явлением для конца XX столетия (известная экономическая политика неоконсерваторов на Западе в условиях кризиса капитализма), неолиберализм, с его радикальным акцентом на индивидуализме (что также противоречит идеям консервативных либералов и прошлого, и настоящего), *не выдержал проверки временем*, политическими и экономическими реалиями, и должен, как считают многие авторитетные авторы, в конечном счете уступить место более гуманной и справедливой форме капитализма (см., например: Шваб, 2022).

Но более всего в этом контексте нам хотелось бы сказать об идеях А. де Токвиля, его понимании демократии и демократического процесса как *общецивилизационного*, поскольку демократический дискурс в последние десятилетия явно находится в упадке — причем и у нас в России, и на Западе. Так вот, мы полагаем, что, прежде чем критиковать демократию (как это часто любят делать у нас), стоило бы обратиться к классическим произведениям на эту тему, среди которых фундаментальная политико-философская и политико-социологическая работа Токвиля занимает особое место. Какие же идеи актуальны для нас?

Во-первых (и об этом уже отчасти было сказано выше), Токвиль абсолютно прав в том, что распространение «равенства условий» является *общецивилизационным процессом* (напомним, он впервые сказал об этом в первой четверти XIX в.), продолжающим свой ход по планете, несмотря на нынешний кризис глобализации и нарастание национализма и консерватизма во многих странах мира (не исключая Россию)¹². Люди в большинстве стран все более начинают ценить равенство и свободу, что, на наш взгляд, и показывают приведенные выше примеры с активностью гражданского общества в разных странах — от Латинской Америки до Южной и Северо-Восточной Азии и Африки. Это не значит, что традиционные, иерархические отношения в данных обществах исчезают: нет, они в значительной мере сохраняются, будучи органической частью национальной культуры (например, в той же Японии или Корее, где традиционно сильны нормы конфуцианской морали, или в Индии, где до сих пор сохраняются достаточно выраженные признаки кастовой системы, освященные религиозными традициями индуизма), однако идеи свободы и равенства активно проникают и в эти общества (например, в форме гендерного равенства), в определенной (возможно, значительной) степени трансформируя их. Так, многими обозревателями было отмечено, что Санаэ Такаити — нынешний премьер-министр правительства Японии — первая женщина в истории (уже либерально-демократического) японского общества¹³. То же самое можно сказать и о современной Южной Корее: несмотря на наличие в повседневных человеческих отношениях традиционных норм конфуцианства, с их требованием почитания старших (по возрасту, званию и т. д.), в этой стране также активно развиваются идеи равенства (в немалой степени гендерного равенства) (см., например: Кирьянов, 2024), как и сопутствующего (что отмечал еще Токвиль) этому равенству индивидуализма¹⁴. Таким образом, можно утверждать, что ценности новоевропейской цивилизации, кристаллизовавшиеся в эпоху Просвещения (XVIII в.), вовсе не ушли в небытие, как предсказывалось ранее, в эпоху глобализации и общества «развитого постмодерна» (используем такой эпитет), но, напротив, продолжают

активно утверждаться сегодня уже за пределами западного мира — в регионах Латинской Америки, Азии и Африки¹⁵.

Во-вторых, чрезвычайно важной и при этом создающей интересные параллели с современными исследованиями демократии на Западе и в России, представляется идея Токвиля о том, что в обществе, основанном на равенстве условий, необходимо своего рода политическое просвещение граждан (как пишет сам Токвиль, «совершенно новому миру необходимы новые политические знания» (Токвиль, 2000: 30)). Токвиль в данном случае имеет в виду нечто вроде института «демократии экспертов», в рамках которой просвещенные элиты должны будут позаботиться о демократическом просвещении граждан, подготовке их к участию в политическом процессе. Это — вполне оправданный подход к формированию «человека демократического» в условиях, когда демократические институты только начали укореняться в жизни европейских народов (в Америке это произошло столетием раньше), и, соответственно, людей надо было учить жизни не только в относительно эгалитарном, но и свободном обществе¹⁶.

Полагаем, что эта идея Токвиля является очень актуальной до сих пор, поскольку демократический процесс продолжается, но уже в незападном мире. В этой связи сошлемся на глубокое исследование патриарха российской политологии, основателя и многолетнего главного редактора журнала «Полис: Политические исследования», И. К. Пантина, который, вслед за американской исследовательницей К. Пэйтмен, подчеркивал в своих работах о постсоветском демократическом транзите в России (Пантин, 2007), что для того, чтобы демократия устоялась, пустила корни и на российской почве, недостаточно лишь выборных институтов представительной демократии (как полагали демократы «первой волны» на рубеже 1980 — 1990-х гг.), нужно *политическое просвещение граждан* («учить граждан демократии в близких для них сферах», как буквально формулирует это Пантин). С точки зрения Пантина (а также солидарной с ним в этом отношении тоже известного политолога-латиноамериканиста Т. Е. Ворожейкиной (Ворожейкина, 2007)), демократия потерпела неудачу в России не потому, что она — неподходящий для России способ правления, а потому, что изначально имела *верхушечный, элитарный*, характер («шумпетерианская демократия», описанная известным австро-американским экономистом и социальным исследователем Й. Шумпетером в первой половине XX столетия (Шумпетер, 1995), практически не соприкасаясь с нуждами и чаяниями большинства населения России¹⁷. Поэтому не случайно, что население довольно равнодушно отнеслось к тому, что с приходом нового президента (В. В. Путина) в начале 2000-х гг. демократические свободы в стране начали постепенно сворачиваться.

Справедливости ради отметим и то, что данная ситуация (отрыв демократических элит от народа) характерна не только для России 1990-х гг. (и во многом это продолжается до настоящего времени), она в полной мере соответствует состоянию дел на Западе, политические институты которого, по мнению многих (если не большинства) экспертов, находятся в кризисе (см., например: Майр, 2019).

Возвращаясь к Токвилю, отметим, что просвещению народа (не только политическому) он придавал огромное значение, полагая, что деспотизм, как он начинает формироваться в новом обществе, эксплуатирует не только разобщенность, но и умственную и духовную неразвитость людей.

В-третьих, важнейшей является центральная идея Токвиля об обществе свободных ассоциаций граждан как главного заслона против деспотизма. Прежде всего,

хотелось бы сказать о том, что, на наш взгляд, Токвиль еще в первой четверти XIX в. предсказал тенденцию развития демократических обществ в веке XX (так называемый период «организованного капитализма»), а точнее, формирование массового общества, в котором автономный индивид, составивший основу классического модерна, уступает место *массовому индивиду*, чья психология и поведенческие стратегии в значительной мере формируются капитализмом и властью. Нельзя сказать, что «организованный модерн» второй половины XX в. являлся исключительно эпохой новой формы эксплуатации индивида, как считали, например, представители Франкфуртской школы социальных исследований (недаром период 1950-х — 1970-х гг. получил название «Славного тридцатилетия» из-за общей социальной и политической стабильности, высоких темпов экономического роста и роста материального благосостояния), однако теоретики этой школы правы в том, что в условиях массового конвейерного производства в цехах гигантских промышленных корпораций и растущего общества потребления индивид все более утрачивал присущие человеку классического модерна качества автономии (проявляющейся в первую очередь в способности делать *самостоятельный осознанный выбор*, самостоятельно судить обо всем, руководствуясь научными знаниями и собственным практическим опытом), будучи скованным жесткими условиями производства в рамках тейлористско-фордистской системы (массовое производство плюс научная организация труда) и во многом навязанными ему потребительскими стандартами, тесно связанными с культурной индустрией и индустрией рекламы (Хоркхаймер, Адорно, 2016; Маркузе, 2003). Не случайно именно в недрах массового индустриального общества второй половины XX в. зародилась идея творческого освобождения человека, перехода от рутинного и однообразного конвейерного к творческому, креативному труду в рамках зарождающейся экономики знаний — тенденция, изначально воспринимавшаяся исключительно в позитивном контексте, но сегодня, в условиях господства неолиберальной экономики, подвергающаяся все большей критике как *форма нового способа эксплуатации индивида* — самоэксплуатации, ведущей не к свободе и творчеству, а к «обществу выгорания» и депрессии (Хан, 2023).

Однако при чем здесь Токвиль? Мы полагаем, что именно он прозорливо предсказал эту тенденцию постепенной утраты автономии индивида в условиях развития современного общества, которое добровольно подчиняет себя заботе (а на деле диктату) бюрократического государства и тесно связанных с ним промышленных корпораций. (А сегодня это новые «хозяева» капиталистической экономики — цифровые платформы, эксплуатирующие персональные данные и внимание индивида (Зубофф, 2022; Варуфакис, 2025; Маццукато, 2026).) И единственная форма защиты от такого рода «благожелательного» деспотизма, как мы уже сказали выше, по Токвилю — создание свободных ассоциаций граждан. По сути, идеал Токвиля — это *демократическое общество республиканского типа*, чей путь пролегает между Сциллой общественной анархии (которая тоже может быть следствием индивидуализма) и Харибдой государственного деспотизма — тенденции, которой более всего опасается Токвиль (и которая в итоге реализовалась в XX в.). И этот третий путь — путь между закрепощением индивида и общественной дезорганизацией отстаивается сегодня целым рядом мыслителей, принадлежащих к республиканской и коммунитаристской традициям (Петтит, 2016; Этциони, 2004). Интересно также и то, что отстаивание Токвилем важности сохранения и развития публич-

ной сферы при демократии (как в политике, так и вне ее) самым тесным образом, на наш взгляд, перекликается с современной концепцией делиберативной («совещательной», «дискурсивной») демократии, чьи теоретические основы разработаны в трудах Д. Ролза и Ю. Хабермаса (Ролз, 1995; Rawls, 2005; Хабермас, 2022; Сен, 2016). Повторим, однако, что сегодня реализация этой в высшей степени гуманистической идеи существенно затруднена общим плачевным состоянием демократических институтов в условиях неолиберального экономического порядка, — ситуация, к которой добавляется в последние полтора десятилетия тенденция к эрозии публичной сферы в контексте всеобщей цифровизации и новой формы закрепощения и эксплуатации человека уже в условиях функционирования цифровых платформ (Хабермас, 2023; Хан, 2025).

*НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ
ИЛИ КОНСЕРВАТИВНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ?
(ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)*

Наконец, нам хотелось бы сказать несколько слов о значении идей консервативного либерализма для современной России. Отчасти об этом уже говорилось выше, в связи с трудностями укоренения демократии на российской почве. Однако нам хотелось бы немного порассуждать об этом в более общем плане. И ради этого снова придется обратиться к взглядам Гизо и Токвиля, опираясь на глубокие исследования творчества этих авторов М. М. Федоровой.

Так, в своей краткой научной биографии Ф. Гизо Федорова отмечает тот момент, что его взгляды последовательно эволюционировали от консервативного либерализма (впрочем, с сильным традиционалистским уклоном) в сторону большего консерватизма в 1830-е гг., а затем — откровенного националистического консерватизма в 1840-е гг., когда он занимал пост министра внутренних дел в правительстве Франции в условиях Июльской монархии (правление короля Луи-Филиппа, герцога Орлеанского, в условиях буржуазной монархии после окончательного падения династии Бурбонов в революцию 1830 г.). «В этот период — пишет Федорова — начинается переход Гизо на более консервативные позиции. В июльской монархии он видит завершение идей Великой французской революции и считает республиканские идеи, развиваемые своими более радикальными оппонентами (в частности, А. де Токвилем), посягательством на государственные устои страны. По его мнению, хартия 1814 г. — почти идеальная конституция, требующая лишь некоторых детальнейших уточнений, путь к которым и открыла Июльская революция. Всякие же дальнейшие изменения, на которых настаивало левое крыло парламента, — лишь опасная химера. Он считает, что парламент в своей реформаторской деятельности заходит слишком далеко. С точки зрения Гизо, задача правительства, в котором он играет первостепенную роль, должна ограничиваться сохранением существующего и созданием условий для развития национального богатства — поддержанием порядка во внутренней политике и сохранением мира во внешней» (Федорова, 2004а: 140).

И еще более лаконично: «Содержание программы Гизо, поддержанной королем Луи-Филиппом, состояло в обеспечении правления среднего класса благодаря консолидации консервативного порядка, основанием которого выступала собственность и централизованная система власти. В области внутренней политики эта программа была направлена на удовлетворение интересов буржуазии путем упо-

рядочения законодательства о собственности, во внешнеполитической же области его усилия были сосредоточены на поддержании мира и обеспечении возврата французской дипломатии на европейскую арену» (там же: 142).

Итак, перед нами — типичный путь консервативной консолидации, весьма напоминающий политику нынешнего руководства в Китае, а также политику целого ряда других стран: администрации Трампа в США, правительства Р. Эрдогана в Турции, индуистского национализма правящей партии «Бхарати джаната парти» во главе с премьером Н. Моди в Индии, правительств ряда европейских стран (Дж. Мелони в Италии, В. Орбана в Венгрии), не говоря уже о беспрецедентном электоральном успехе ультранационалистических партий во многих странах Европы (Франция, Германия, Австрия, Великобритания). Националистические консервативные правительства уже на протяжении ряда лет стоят у власти в Южной Корее и Японии (что связано в значительной мере с растущей военной угрозой со стороны КНР и Китая). Россия также не стала здесь исключением: политику нынешнего руководства страны также можно квалифицировать как близкую консерватизму националистического толка¹⁸, что также в немалой степени связано с неблагоприятным внешнеполитическим фактором (расширение НАТО на восток, «оранжевая революция» на Украине и др.). Отметим, что такой поворот к консерватизму в целом ряде стран (не только на Западе) очевидным образом связан с целым рядом обстоятельств: ухудшением социально-экономического положения значительных слоев населения (например, в США, Европе, Турции), усилением миграционных потоков, которые вызывают недовольство граждан этих стран, ростом политического популизма, растущей геополитической напряженностью в условиях формирования многополярного мирового порядка.

Сразу отметим, что данную политику нельзя трактовать однозначно (как только положительную, или наоборот, отрицательную): полагаем, что, например, в условиях Китая, особенно рубежа 1980-х — 1990-х гг., консервативная политика, несмотря на ее трагические издержки (кровавое подавление протестных выступлений студентов на площади Тяньаньмэнь), была вполне оправдана, поскольку одновременно гарантировала стабильность и развитие в условиях полутора миллиардного населения Китая. Вероятно, отчасти такая политика оправдана и в нынешних российских условиях, когда страна уже на протяжении многих лет (фактически с 2014 г.) находится в состоянии противостояния (сначала экономического, а сегодня и вооруженного) с Западом. Естественно, все эти сложные, а порой и чрезвычайные обстоятельства, требуют решительных действий со стороны сильной централизованной власти и общественной консолидации на основе национальных ценностей и традиций.

С другой стороны, во времена более спокойные (например, в период до Крымской весны 2014 г., а, возможно, и до начала СВО) политика власти в России могла быть более сбалансированной, сочетающей консервативные ценности (что естественно и правильно в условиях возрождения страны после экономической разрухи и политического «хаоса» 1990-х гг.) и ценности либерально-демократические, что в целом соответствует классическим идеям консервативного либерализма (и что, кажется, составляло содержание намерений нынешнего президента России в начальный период его правления). Именно о необходимости такой политики и говорил Токвиль, критикуя националистическую консервативную политику Гизо. Так, с точки зрения Токвиля, как ее комментирует М. М. Федорова, политика Гизо на

посту министра внутренних дел «руководствуется боязнью революции. Его цель — обеспечение во Франции стабильного и прочного правления любой ценой. Однако, по его мнению, такой ценой не должна быть полная деполитизация страны. <...> По мнению же Токвиля, именно стремления к свободе так не хватает его согражданам. Он формулирует свою программу политического развития страны, *базирующуюся на формировании в людях чувства гражданственности, национального духа, но вместе с тем программу умеренную, которой чужды всякого рода радикальные меры*» (Федорова, 2004b: 190; курсив мой. — Г. К.).

В целом можно сказать, что характеристики Токвилем Франции того времени как весьма подверженной опасностям этатистской традиции (идущей от эпохи абсолютизма) (Токвиль, 1997), подавляющей права и свободы граждан, весьма схожи с характеристиками российского этатизма, который также подвергался жесткой критике в работах многих либеральных исследователей (особенно периода 2000-х гг.). Мысль же Токвиля (и так важно прислушаться к ней сегодня!) заключается в том, что задача власти состоит не в том, чтобы подавлять свободу ради достижения стабильности и общественной консолидации, но в том, чтобы, наоборот, *предоставлять гражданам свободу выбора, культивировать гражданские и патриотические добродетели для того, чтобы воспитать в них чувство ответственности за судьбу своей страны*. И мыслитель определенно прав, когда утверждает на страницах своей *opus magnum*, что общественная консолидация на путях ограничения гражданских и политических прав может быть полезна в *краткосрочной перспективе*, но в долгосрочной это — тупиковый путь, поскольку ведет в итоге к закреплению общества, сворачиванию индивидуальной и общественной инициативы, нарастанию этатизма и государственного патернализма, а значит, по мнению Токвиля, в конечном счете к общественной деградации. Поэтому, имея в виду российский общественно-политический строй на современном этапе развития страны, нам кажется важным следующий ход мысли Токвиля: «Токвиль был убежден, что единственной альтернативой имперскому деспотизму может быть только *либеральная монархия*, в которой легитимный монарх, будучи традиционным для Франции (а также для исторической России. — Г. К.) воплощением и гарантией порядка, сможет объединить вокруг себя большинство французского народа, провозгласив индивидуальные свободы, национальное представительство, свободу печати, свободу и гласность парламентских дебатов» (Федорова, 2004b: 192; курсив мой. — Г. К.). Понятно, что возвращение к монархии в России вряд ли возможно, однако нынешний строй в стране весьма напоминает институт *выборной монархии*, на что не раз обращали внимание исследователи¹⁹.

Таким образом, наш главный вывод заключается в том, что, несмотря на определенную оправданность националистического консерватизма (будь то в США, России или Китае) в период сложных для страны внутренних и внешних обстоятельств, все же гораздо более предпочтительным является порядок *консервативного либерализма*, вполне осуществимый в более стабильные времена, предложенный в условиях послереволюционной Франции Токвилем и ранним Гизо. Именно этот порядок, как показывает исторический опыт²⁰, одновременно обеспечивает социальную и политическую стабильность, уважение к национальным ценностям и традициям, а также *поступательное общественно-экономическое и политическое развитие на основе реализации прав и свобод граждан*. Это особенно важно

было бы понимать в условиях нынешней России, уже на протяжении ряда лет, как отмечают исследователи, обнаруживающей признаки *социогуманитарной рецессии*, т. е. все более сужающихся возможностей реализации населением своих базовых социально-экономических и гражданских прав (Лапин, 2021). Хочется надеяться, что в последующие десятилетия страна пойдет именно этим (или близким к нему), более сбалансированным и отвечающим интересам большинства населения, путем — путем Токвиля, а не позднего Гизо.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «И хотя Гизо, подобно всем французским либералам начала века, подвергает глубокой аргументированной критике принцип суверенитета большинства, его ранняя концепция вполне демократична, поскольку он принимает демократию как такое общественное состояние, в котором гарантированы политические свободы и уважается гражданское равенство» (Федорова, 2005: 107).

² Так, прямо в соответствии с консервативной традицией Гизо утверждает: «...договор, связывающий людей с законами справедливости и истины, не является продуктом их творчества, равно как и сами эти законы. Это божественный договор, в который рукой Всевышнего вписаны правила всех человеческих взаимоотношений, он устанавливает взаимные обязательства между правлением и обществом именно в силу того, что является высшим по отношению к ним обоим, потому, что даже если несовершенство человеческой природы и обрекает людей на частичное познание и наблюдение законов, не в их власти ни разорвать этот договор, ни безнаказанно забыть о его существовании на долгое время. *Общество представляет собой результат наблюдения за этим договором. Правление же есть средство осуществления этого договора*» (Гизо, 2000: 524–525; курсив мой. — Г. К.).

³ Как лаконично формулирует это сам Токвиль: «По мере того как каждое сословие сближается и смешивается с остальными, люди, принадлежащие к одному и тому же классу, становятся равнодушными и чужими друг другу. *Аристократическое устройство представляло собой цепь, связывавшую между собой по восходящей крестьянина и короля; демократия разбивает эту цепь и расщепляет ее звенья по отдельности*» (там же: 374; курсив мой. — Г. К.).

⁴ Приведем восхищенный отзыв Токвиля о степени развития гражданского общества в Америке: «Американцы самых различных возрастов, положений и склонностей беспрестанно объединяются в разные союзы. Это не только объединения коммерческого или производственного характера, в которых они все без исключения участвуют, но и тысяча других разновидностей: религиозно-нравственные общества, объединения серьезные и пустяковые, общедоступные и замкнутые, многолюдные и насчитывающие всего несколько человек. Американцы объединяются в комитеты для того, чтобы организовывать празднества, основывать школы, строить гостиницы, столовые, церковные здания, распространять книги, посылать миссионеров на другой край света. Таким образом они возводят больницы, тюрьмы, школы. Идет ли, наконец, речь о том, чтобы проливать свет на истину, или о том, чтобы воспитывать чувства, опираясь на великие примеры, они объединяются в ассоциации. И всегда там, где во Франции по главе всякого нового начинания вы видите представителя правительства, а в Англии — представителя знати, будьте уверены, что в Соединенных Штатах вы увидите какой-нибудь комитет. В Америке мне встречались такие ассоциации, о возможности существования которых, признаюсь, я не имел ни малейшего представления, и я часто восхищался той бесконечной изобретательностью, с которой жители Соединенных Штатов умеют внушать общую цель большому числу людей, добываясь от них поддержки и готовности добровольно идти к ней» (там же: 378).

⁵ И этот тезис Токвиля особенно важен для понимания того, что полноценное развитие гражданского общества невозможно в условиях политической несвободы.

⁶ Имеем в виду феномен Трампа (и растущую популярность трампизма за пределами США), нарастающую политическую популярность националистического консерватизма в европей-

ских странах, а также уже многолетний консервативный тренд в российском обществе и политике.

⁷ В России, как показывают исследования, в последние десятилетия формируется точно такой же тренд.

⁸ Так, одним из ярких примеров подобной созависимости является тот факт, что Китай выступает крупнейшим кредитором для американского бизнеса и поставщиком редкоземельных металлов для американской радиоэлектронной промышленности, но в свою очередь пока еще сильно зависит от американских технологий и компьютерных чипов.

⁹ Очень часто эти гражданские протесты стремятся объяснить внешним вмешательством — попытками США и ведущих стран Евросоюза «раскачать» ситуацию в Сербии, однако, на наш взгляд, это не вполне справедливое утверждение.

¹⁰ Чего, впрочем, не скажешь о капитализме, который, согласно регулярно проводимым международным исследованиям, в отличие от демократии, теряет популярность во всем мире.

¹¹ Сегодня этот баланс интересов сильно нарушен в пользу представителей капитала.

¹² Однако сегодня это распространение равенства условий как *типа общественной связи*, по Токвилю, сочетается с огромным ростом социально-экономического неравенства во многих, в том числе незападных, странах. Впрочем, «низшие классы» (рабочие, пролетариат) существовали уже во времена Токвиля.

¹³ Первая женщина у власти: кто такая Санаэ Такаити, новая премьер-министр Японии // Forbes. 21 октября 2025. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/547987-pervaa-zensina-uvlasti-kto-takaa-sanae-takaiti-novaa-prem-er-ministr-aponii> (дата обращения: 08.11.2025).

¹⁴ Демографическая ситуация в Южной Корее является очень тревожной, в связи с резким падением рождаемости и значительным снижением ценности семьи в южнокорейском обществе.

¹⁵ Этот процесс несомненно связан с индустриальной (и уже в значительной мере постиндустриальной, если иметь в виду страны Восточной Азии) модернизацией этих стран.

¹⁶ Как отмечает сам Токвиль, различие в этом отношении между Европой и Америкой заключается в том, что американцы изначально были знакомы с идеями и практиками политической свободы, которые первые колонисты перенесли из Англии, тогда как европейцы на континенте познакомились с ними значительно позже (т. е. в Европе равенство предшествовало свободе).

¹⁷ Напомним, что в тот период (1990-е гг.) Россия переживала тяжелейший социально-экономический кризис, связанный с распадом СССР и общим упадком экономики в стране.

¹⁸ При этом парадоксальным образом такая политика сочетается с неолиберальными, монетаристскими методами управления экономикой, примером чего является денежно-кредитная политика Центробанка по сдерживанию инфляции, проводимая в последние годы.

¹⁹ Во всяком случае, prerogative президентской власти, прописанные еще в «Ельцинской» Конституции 1993 г. и значительно усиленные в последней редакции Конституции России, наделяют президента фактически неограниченными полномочиями, на что обращал в свое время внимание политолог и политический философ И. К. Пантин.

²⁰ Возможно, отчасти принципам этого порядка (во всяком случае, в экономической сфере) соответствовал период экономических реформ в Китае 1980-х гг. В этот период экономическое развитие осуществлялось прежде всего усилиями самого общества (сельские и волостные предприятия), а не вмешательством со стороны государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Варуфакис, Я. (2025) Технофеодализм. Что убило капитализм. М. : Ad Marginem Press. 304 с.

Ворожейкина, Т. Е. (2007) Несбывающаяся политика // Отечественные записки. №6. С. 29–40.

Гизо, Ф. (2000) Политическая философия: о суверенитете // Классический французский либерализм : сб. : пер. с фр. М. : РОССПЭН. 592 с. С. 507–588.

Другач, Т. Б. (1995) Подвиг здравого смысла, или Рождение идеи суверенной личности : (Гольбах, Гельвеций, Руссо). М. : Наука. 221 с.

Зубофф, Ш. (2022) Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А. Ф. Васильева ; под науч. ред. Я. Охонько, А. Смирнова. М. : Изд-во Ин-та Гайдара. 781 с.

Канарш, Г. Ю. (2025) Проблема равенства в классическом французском либерализме. Часть I. Аристократический либерализм Бенжамена Констана // Знание. Понимание. Умение. №3. С. 86–105.

Кант, И. (1966) Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? (1784) // Собр. соч. в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. Т. 6. М. : Мысль. С. 25–35.

Кирьянов, О. В. (2024) Южная Корея. Цена экономического чуда. М. : АСТ. 320 с.

Лапин, Н. И. (2021) Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. М. : Весь Мир. 364 с.

Майр, П. (2019) Управляя пустотой: размывание западной демократии / пер. с англ. Д. Маткиной, А. Новикова, И. Соболевой, В. Степановой. М. : Изд-во Ин-та Гайдара. 209 с.

Маркузе, Г. (2003) Одномерный человек / пер. с англ. А. А. Юдина. М. : АСТ : Ермак. 331 с.

Маццукато, М. (2026). Рента в цифровую эпоху. М. : Изд-во Института Гайдара. 260 с.

Пантин, И. К. (2007) Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего // Полис. Политические исследования. №4. С. 113–135.

Петтит, Ф. (2016) Ресубликанизм: теория свободы и государственного правления / пер. с англ. А. Яковлева. М. : Изд-во Ин-та Гайдара. 486 с.

Раджан, Р. (2025) Третья опора: как рынки и государства пренебрегают сообществом / пер. с англ. С. Моисеева. М. : Изд-во Ин-та Гайдара. 488 с.

Ролз, Д. (1995) Теория справедливости / науч. ред. В. В. Целищев ; пер. с англ. В. В. Целищева при участии В. Н. Карповича и А. А. Шевченко. Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та. 534 с.

Сен, А. (2006) Идея справедливости / пер. с англ. Д. Кралечкина. М. : Изд-во Ин-та Гайдара. 517 с.

Токвиль, А. де (2000) Демократия в Америке / пер. с франц.; предисл. Гарольда Дж. Ласки. М. : Весь Мир. 560 с.

Токвиль, А. Де (1997) Старый порядок и революция : пер. с фр. М. : Моск. филос. фонд. 251 с.

Федорова, М. М. (2005) Метаморфозы принципов Просвещения в политической философии Франции эпохи буржуазных революций. М. : ИФРАН, 190 с.

Федорова, М. М. (2004а) Франсуа Гизо // Очерки истории западноевропейского либерализма (XVII–XIX вв.). М. : ИФРАН. С. 133–143.

Федорова, М. М. (2004б) Алексис де Токвиль // Очерки истории западноевропейского либерализма (XVII–XIX вв.). М. : ИФРАН. С. 183–193.

Хабермас, Ю. (2022) Теория коммуникативной деятельности / пер. с нем. А. К. Судакова. М. : Весь Мир. 878 с.

Хабермас, Ю. (2023) Новая структурная трансформация публичной сферы и делиберативная политика / пер. с нем. Т. Атнашева. М. : Новое литературное обозрение. 98 с.

Хан, Бён-Чхоль (2023) Общество усталости: негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива / пер. с нем. А. С. Салина. М. : АСТ. 158 с.

Хан, Бён-Чхоль (2025) Инфократия. Истина и свобода в цифровую эпоху / пер. с нем. С. О. Мухамеджанова. М. : АСТ. 160 с.

Хантингтон, С. (2003) Третья волна: Демократизация в конце XX века / пер. с англ. Л. Ю. Лапшиной. М. : РОССПЭН. 365 с.

Хоркхаймер, М., Адорно, Т. (2016) *Культурная индустрия. Просвещение как способ обмена масс* / пер. с нем. Т. Зборовской. М. : Ад Маргинем Пресс. 103 с.

Шваб, К. (2022) *Капитализм всеобщего блага: новая модель мировой экономики* / пер. с англ. Е. Калугина. М. : Эксмо, Бомбора. 348 с.

Шумпетер, Й. (1995) *Капитализм, социализм и демократия* : пер. с англ. ; отв. ред. и авт. предисл. В. С. Автономов. М. : Экономика. 539 с.

Этциони, А. (2004) *От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям* / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Ладомир. XLI, 342 с.

Rawls, J. (2005) *Political liberalism* / Expanded ed. NY : Columbia University Press. 576 p.

Дата поступления: 15.11.2025 г.

THE PROBLEM OF EQUALITY IN CLASSICAL FRENCH LIBERALISM

PART II

THE CONSERVATIVE LIBERALISM OF GUIZOT AND TOCQUEVILLE

(A CURRENT READING)

G. YU. KANARSH

RAS INSTITUTE OF PHILOSOPHY

This article represents the second (and final) part of a study devoted to classical French liberalism and its interpretation of the problem of equality. It examines the views on society and politics of two prominent representatives of this school of thought — François Guizot and Alexis de Tocqueville. It demonstrates that the conservative liberalism of these authors is not only important for the development of ideas, but also offers insights into the development of modern society through the prism of their views. Particular attention is paid to socio-political processes in Russia, and to how the concepts of Guizot and Tocqueville could help create a “good society” and a “good form of government” in our country that would meet the interests of the majority of the population in stability and development.

Keywords: classical French liberalism; freedom; equality; conservatism; modernism; conservative liberalism; nationalist conservatism; democracy; republic; François Guizot; Alexis de Tocqueville

REFERENCES

Varufakis, Ia. (2025) *Tekhnofeodalizm. Chto ubilo kapitalizm*. Moscow, Ad Marginem Press. 304 p.

Vorozheikina, T. E. (2007) *Nesbyvaiushchiasia politika. Otechestvennye zapiski*, №6, pp. 29–40.

Gizo, F. (2000) *Politicheskaia filosofii: o suverenitete*. In: *Klassicheskii frantsuzskii liberalizm* : sb. : transl. from French. Moscow, ROSSPEN. 592 p. Pp. 507–588.

Dlugach, T. B. (1995) *Podvig zdravogo smysla, ili Rozhdenie idei suverennoi lichnosti* : (Gol' bakh, Gel' vetsii, Russo). Moscow, Nauka. 221 p.

Zuboff, Sh. (2022) *Epokha nadzornogo kapitalizma: bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti* / transl. from English by A. F. Vasil'ev ; ed. by Ia. Okhon'ko, A. Smirnov. Moscow, Izd-vo In-ta Gaidara. 781 p.

Kanarsh, G. Yu. (2025) *Problema ravenstva v klassicheskom frantsuzskom liberalizme. Chast' I. Aristokraticeskii liberalizm Benzhamena Konstana. Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 3, pp. 86–105.

Kant, I. (1966) *Otvet na vopros: Chto takoe Prosveshchenie? (1784)* In: *Sobr. soch. in 6 vols.* / ed. by V. F. Asmus, A. V. Gulyga, T. I. Oizerman. Vol. 6. Moscow, Mysl'. P. 25–35.

Kir'ianov, O. V. (2024) *Iuzhnaia Koreia. Tsena ekonomicheskogo chuda*. Moscow, AST. 320 p.

Lapin, N. I. (2021) *Slozhnost' stanovleniia novoi Rossii. Antroposotsiokul'turnyi podkhd.* Moscow, Ves' Mir. 364 p.

Mair, P. (2019) *Upravliaia pustotoi: razmyvanie zapadnoi demokrati* / transl. from English by D. Matkina, A. Novikov, I. Soboleva, V. Stepanova. Moscow, Izd-vo In-ta Gaidara. 209 p.

Markuze, G. (2003) *Odnomernyi chelovek* / transl. from English by A. A. Iudin. Moscow, AST: Ermak. 331 p.

Matstsukato, M. (2026). *Renta v tsifrovuiu epokbu.* Moscow, Izd-vo Instituta Gaidara. 260 p.

Pantin, I. K. (2007) Vybor Rossii: kharakter peremen i dilemmy budushchego. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, №4, pp. 113–135.

Pettit, F. (2016) *Respublikanizm: teoriia svobody i gosudarstvennogo pravleniia* / transl. from English by A. Iakovlev. Moscow, Izd-vo In-ta Gaidara. 486 p.

Radzhan, R. (2025) *Tret'ia opora: kak rynki i gosudarstva prenebregaiut soobshchestvom* / transl. from English by S. Moiseev. Moscow, Izd-vo In-ta Gaidara. 488 s.

Rolz, D. (1995) *Teoriia spravedlivosti* / ed. by V. V. Tselishchev ; transl. from English by V. V. Tselishcheva, V. N. Karpovicha, A. A. Shevchenko. Novosibirsk, Izd-vo Novosibirskogo un-ta. 534 p.

Sen, A. (2006) *Ideia spravedlivosti* / transl. from English by D. Kralechkin. Moscow, Izd-vo In-ta Gaidara. 517 p.

Tokvil', A. de (2000) *Demokratiia v Amerike* / transl. from French; foreword by Garol'd Dzh. Laski. Moscow, Ves' Mir. 560 p.

Tokvil', A. De (1997) *Staryi poriadok i revoliutsiia* / transl. from French. Moscow, Mosk. filos. fond. 251 p.

Fedorova, M. M. (2005) *Metamorfozy printsipov Prosveshcheniia v politicheskoi filosofii Frantsii epokbi burzhuanzykh revoliutsii.* Moscow, IFRAN. 190 p.

Fedorova, M. M. (2004a) Fransua Gizo. In: *Ocherki istorii zapadnoevropeiskogo liberalizma (XVII–XIX vv.)*. Moscow, IFRAN. Pp. 133–143.

Fedorova, M. M. (2004b) Aleksis de Tokvil'. In: *Ocherki istorii zapadnoevropeiskogo liberalizma (XVII–XIX vv.)*. Moscow, IFRAN. Pp. 183–193.

Khahermas, Iu. (2022) *Teoriia kommunikativnoi deiatel'nosti* / transl. from German by A. K. Sudakov. Moscow, Ves' Mir. 878 p.

Khahermas, Iu. (2023) *Novaia strukturnaia transformatsiia publichnoi sfery i deliberativnaia politika* / transl. from German by T. Atnashev. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 98 p.

Khan, Ben-Chkhol' (2023) *Obschestvo ustalosti: negativnyi opyt v epokbu chrezmernogo pozitivna* / transl. from German by A. S. Salin. Moscow, AST. 158 p.

Khan, Ben.-Chkhol' (2025) *Infokratiia. Istina i svoboda v tsifrovuiu epokbu.* Moscow, AST. 160 p.

Khantington, S. (2003) *Tret'ia volna: Demokratizatsiia v kontse XX veka* / transl. from English by L. Iu. Lapshina. Moscow, ROSSPEN. 365 p.

Khorkkhaimer, M., Adorno, T. (2016) *Kul'turnaia industriia. Prosveshchenie kak sposob obmana mass* / transl. from German by T. Zborovskaya. Moscow, Ad Marginem Press. 103 p.

Shvab, K. (2022) *Kapitalizm vseobshchego blaga: novaia model' mirovoi ekonomiki* / transl. from English by E. Kalugin. Moscow, Eksmo, Bombora. 348 p.

Shumpeter, I. (1995) *Kapitalizm, sotsializm i demokratiia* / transl. from English ; ed. by V. S. Avtonomov. Moscow, Ekonomika. 539 p.

Ettsioni, A. (2004) *Ot imperii k soobshchestvu: novyi podkhd k mezhdunarodnym otnosheniiam* / transl. from English ; ed. by V. L. Inozemtsev. Moscow, Ladomir. XLI, 342 p.

Rawls, J. (2005) *Political liberalism* / Expanded ed. NY : Columbia University Press. 576 p.

Submission date: 15.11.2025.

Канарш Григорий Юрьевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН. Адрес: 109240, Российская

Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: grigkanarsh@yandex.ru

Kanarsh Grigory Yuryevich, Candidate of Political Science, Senior Researcher, Sector of Social Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12, Goncharnaya St., Bldg. 1, Moscow, Russian Federation, 109240. Tel.: + 7 (495) 697-98-93. E-mail: grigkanarsh@yandex.ru

DOI: 10.17805/zpu.2025.4.4

Неопределенность гибридной войны как философская категория

А. А. БАРТОШ

Московский институт социологических исследований

Стратегия современной гибридной войны как нового вида межгосударственного противоборства опирается на комбинированное применение военно-силовых и несиловых форм и способов навязывания противнику своей воли. Философия гибридной войны представляет собой не единую теорию, а совокупность концепций, объясняющих войну с разных точек зрения — от метафизических до практических стратегических. Эти концепции систематизируют подходы к анализу и интерпретации гибридных военных действий как социального, политического, этического и онтологического феномена. Важнейшим фактором гибридной войны является неопределенность, которая проявляется на онтологическом, эпистемологическом, феноменологическом, этическом уровнях и оказывает серьезное влияние на выработку решений на различных уровнях управления войной. Источниками неопределенности гибридной войны служит широкий спектр военных, социально-политических, экономических, информационных и психологических факторов, осознание которых на научной основе является ключевым условием достижения победы. В статье предпринимается попытка осмыслить данный тип войны как философскую категорию через анализ ее основных характеристик.

Ключевые слова: неопределенность; гибридная война; философия; информационно-психологическая война; социология; политика; экономика; предательство

ВВЕДЕНИЕ

Неопределенность в контексте гибридной войны (ГВ) — это не просто техническая или военная проблема, а фундаментальная характеристика, которая может быть рассмотрена как философская категория.

Стратегия ГВ обуславливает прежде всего онтологическую неопределенность как стирание границ бытия конфликта. Именно такой вид неопределенности заметно проявляется в Мировой гибридной войне — гибридном военном конфликте. Для понимания ГВ представляются важными следующие факторы, исследованные в статье Ю. М. Резника «Россия и Запад: истоки цивилизационного противостояния (по мотивам геофилософских идей Н. Я. Данилевского)». В данной работе автор